

к 1331538

Сергей БАГРОВ

**В ВОЛЬНОМ
НЕБЕ**

С.П.БАГРОВ
В ВОЛЬНОМ НЕБЕ

Художественные миниатюры

Вологда: 2002 - 20 с.

Вырвавшись из груди, эти маленькие этюды летят и летят, словно птицы. Летят туда, откуда их взяли. К белой черемухе, к калиткой, к лесному оврагу, где выгибается, брызгаясь, быстрая спинка ручья, к можжевеловому откосу, к темным крышам огромного города, к месяцу, звездам и небесам с запрокинутыми на них человеческими глазами, которым надо увидеть все.

Вологда
2002 г.

В ВОЛЬНОМ НЕБЕ

(Миниатюры)

Будущие миры

Доверительно, как близкому человеку, отдалась земля снежной стихии и, покладисто-тихая, в белых одеждах, чисто высветилась сквозь снег.

От зари до заката сверкала она на морозе всеми своими оконцами деревушек и городов. В суровую синюю полночь насторожилась, вслушиваясь в нависшие над сугробами будущие миры, где сквозь звёзды и тьму прорезались ещё не рождённые дни и ночи.

Посылки с небес

Там где ходили стадами хмурые тучи, где ветер гнул вершины деревьев, где птицы металась, ныряя в листву, был отпущен на волю неуправляемый дух непогоды. И вот уже рыкнул разгневанный гром. Навалилась угрюмая тень. Потемнела земля, но в испуг не вошла, ибо знала, что вслед за грозой, как с угора, покатится легкое солнце, бросая на все её склоны и доли летящую в перьях лучей осиянную благодать.

К1331538

Памяти Валерия Решетникова
Мститель

Бывают такие тяжёлые сны, что после них не скоро приходишь в себя, ужасаясь той страшной развязки, когда расправляется кто-то с тобой, и ты, пропадая душой, свргаешься в пропасть.

Сны сбываются, к счастью, не все. Но один из них всё-таки ты повторяешь. Заглянуть в свою собственную судьбу так же жутко, как жутко пройти леденистой тропой над обрывом реки.

Ты срываешься вниз. Встреч тебе: безнадёжность и боль. И ещё тот угрюмый, пугающей резкости сон, который когда-то ты видел, и вот он вернулся, чтоб проявить себя не абстрактно, а в голой реальности, будто мститель.

Анатолию Мартюкову
Будет гроза

Летняя тёплая ночь. Была она тихой. Но вот что-то сдвинулось в ней. По стёклам мазнули первые капли. И ветер прошёлся по крышам, сдувая с князьков ночующих птиц. А около леса, над краем деревни развёрзлось, и в свете сверканья открылась нора, как загадочный ход из небесного мрака на тёмную землю.

Кажется, будет большая гроза.

Ты вышел из дома

Осенняя ночь. Глухота. Ты выходишь из дома. Молчит над тобой тяжёлое мутное небо. Молчит под тобой сырая тропа. Молчит огород. Молчит черёмуха у забора. Всем и всему на тебя напле-

вать. И ты понимаешь, что это тоска, та самая, что ведёт за собой неизвестно куда, заставляя искать тебя то, что многие ищут, но не находят.

-Возвращайся, - сказал тебе дом, откуда ты вышел. Но ты лишь махнул недовольно рукой и пошёл в сырой полумрак, где, привстав над землёй, текла, поднимаясь и падая, неизмеренная никем глухая Вселенская необъятность.

До утра далеко

Спит утомлённая Вологда, покрытая тёмными облаками. Ночь. До утра далеко. В облаках, словно кто их вспорол, обнажилась луна.

Не прошло и минуты, луна завладела кварталами города. Мёртвый свет её заиграл на битуме крыш, заскользил и по окнам, влетая в квартиры, чтобы по лицам заснувших людей угадать: кому не дано омрачить эту ночь? Кто заблудится в ней? И кого ожидает небесная слава?

Жадная почва

Лето пришло и уходит, как уходит за сумерками прохлада, оставляя нам, вздохи и шорохи синих ночей, на которых рождается свежее утро с его зыбким рассветом, росой и стеснительно-девственной тишиной. В тишине, по ладошкам травы серебристым горохом катятся капли, которых так много и так они бойко стучатся о землю, что слышишь влажное чмокание губ, с каким их глотает, обмякнув от счастья, жадная почва.

Магнит

Тень от креста упала на траву, как если бы внизу, под толщею земли лежал магнит, маня сооружение к себе.

Здесь не было каких-то ненормальных сил. Здесь были: кладбище, луна и мягкий свет, устало ниспадавший на печальные ограды. Здесь был сорвавшийся куда-то к городу унылый скрежет жестяных венков, как гимн покойников, дающих знать о неминуемом покое, который ожидает всех.

Гости лета

Кто откуда пришел?
Незабудки из неба?
Или небо из незабудок?

Стародавние гости погожего лета переполнены нежностью и смирением. Оттого, когда смотришь на них, поневоле испытываешь волнение, и душа так же круто вздымается к небу, как и низко кланяется цветам.

В вольном небе

Куда глаза – туда и душа. Видишь на талом снегу упругую с гибкими прутьями мартовскую берёзу – и вот уже ты, трепеща и ликуя, будто снегирь, летаешь и прыгаешь между веток.

Смотришь на вешнюю, в рёве и скрежете льдин луговую реку – и ты уже тоже в ледовом круженье, как засветившийся искрами белый разлом.

Глядишь в поздний час на мерцание звёзд – и счастливейшим ангелом мчишься туда, где колеблется Млечный Путь, забирающий каждого,

кто закончил свой путь на земле и теперь начинает его в вольном небе.

Разгневанный всадник

За аллею берёз упало вечернее солнце. В небе стало темно, а в аллее светло, словно вместе с зарёй, затопляя стволы и газоны, хлынула огненная стремнина, за которой на красном коне гарцевал разгневанный всадник.

Самый храбрый

Солнце такое текучее. С макушки сосны – на листочек берёзы. С листочка берёзы – на глыбку земли, по которой с улиткой, добытой в бою, не ползёт, а ступает, как воин, хозяйственный муравей, самый храбрый из всех обитателей на планете. Оттого и глядится он, несмотря на свой малый размер, внушительно и солидно. Не случайно лесное солнышко, как бы ни был угрюм и сумрачен бор, муравья непременно найдёт и, сверкнув светоносным лучом, дружелюбно погладит его по храброй головке.

Красная ворона

На острие вечернего луча, как на игле, летела красная ворона, и клин трепещущих осин, поляна с огороженным стожком и выступавшие из леса ивняки чуть-чуть приподнялись над сумраком земли, как если бы встречали эту позднюю ворону, готовя ей покой и отдых. Но птица, подгоняемая огненным лучом, летела к тёмному востоку, очерченному линией высоковольтной, где на плечах опор, как на распятьях,

сидели её дремлющие сёстры и думали о чём-то птичьим, с закрытыми глазами погружаясь в вороную ночь.

Торжественный гул

Над моей головой – плывущие ощупью серые тучи. Между ними, как привидение, бледная спинка луны.

Вечер был и ушёл, уводя за собой горсть закатных лучей. За рекой, как за вечером, тёмные ёлки, в вершинах которых стоит, беспокоя окрестность, торжественный гул.

Неспокойно в груди, в то же время торжественно и сурово, словно ёлки гудят не на склоне горы за рекой, а во мне.

Памяти Сергея Чухина

Безвольная блажь

Душа, как пчела. Падает, падает в ароматы цветущего луга и, упав, растворяется среди цветов, не желая уже ни подняться в прежнюю высь, ни собраться в прежнюю волю. Это и есть та безвольная блажь, в которой ты ощущаешь себя не только полуденными цветами, но и прворной косой, подсекающей эти цветы.

Здесь

А зима уже там, в отлетающем прочь неживом полумраке. Здесь же в сенях весны – блеск сосулек, проталины и грачи. На крылах у грачей неостывшая тень тревоги от оставшегося вдали опасного перелёта, вдохновляла который далёкая родина и весна .

Боярин в саях

На еловых ветвях в хвойной серебри, как боярин в саях, распластался-раскинулся бархатный снег. Хорошо, когда белым ковром от Чукотки до Питера он укроет продрогшую Русь, защитив огороды, сады и озими от мороза.

Половцы или гунны

Тучей летит темнокрылое вороньё. И тучей садится на ветви деревьев. Никогда их так не было много. Словно это не птицы, а половцы или гунны, что явились к нам из былого, дабы высмотреть, что у нас еще можно отнять, учинив нам ещё одно разорение.

Л.В. Брилинскому

На маминой ветке

Осень. Низкое, низкое небо. Упираясь в него, дрожит на холодном ветру одинокая ель.

На открытой опушке, шагах в двадцати шелестят сухими листочками сгорбленные берёзы. Увядание, слабая сила, с какой вступают в борьбу с непогодой желтые листья, чтобы остаться на маминой ветке, наклонившиеся макушки, скрип корней и еще эта взбалмошная сорока, что трещит и трещит, извещая о том, что теперь она здесь.

Много русского в этой картине – безнадежного, словно гибель, и упорного, словно жизнь. Потому одинокая ель, чуть поднимется сивер, и протягивает сюда свои хмурые лапы, собираясь пройти эти двадцать шагов и смешаться с березами на опушке.

Вода и берег

Тень медленно спадала с берега в реку, как чья-то нерешительная дума. И было ощущение соседства, как если бы вода ждала, когда вечерний берег забредёт в нее, и всё вокруг приобретёт законченный покой и совершенство. И дума доверительно расчертит на воде те самые слова, которыми обозначают тайну.

Ключ

Растаял снег. И ключ, подхваченный живой водой, помчался, серебрясь и брызгаясь, куда-то вниз, через кусты в неведомую даль, где для него всё было в первый раз, и он играл, сверкая, изгибаясь и журча, пока не влился в вешнюю реку, которая, любя, как мать, взяла его к себе. И он затих, счастливо радуясь большой воде, высоким небесам и озорному куличку, усевшемуся на него, как на послушного конька, который никогда его с себя не сбросит.

На мглистых берегах

Струится Лета. Сквозь туман проходит её мглистая вода. А над водой – трава и лес. И влагой веет смиренная листва.

Давно всё отошло, уплыв за поворот доисторической реки. И век минувший тоже где-то там, на мглистых берегах. Как если бы повсюду рухнули миры, оставив в наших днях громоздкие дела и стародавнее движение Земли, всё дальше уплывающей от мглистой Леты.

ТЕНИ

90-е годы двадцатого века. Художники на Руси. Отчего такие они невидные, тихие, будто тени?

Не оттого ли, что самые яростные из них, принимая, как опиум, справную жизнь, отправляют картины туда, где за них много платят?

В России сегодня таких покупателей нет.

Зато их достаточно за кордоном.

Русскому живописцу Георгию Попову **Затерянный праздник**

Кажется, я ошибся. Среди приметных и неприметных, среди модных и старомодных есть художник, помазанный Божьей дланью. И когда глядишь на его картины, то испытываешь восторг – тот забыто-затерянный праздник, под зарницей которого ярко сияет деревня Красное, и уютная Тотьма, и скромная Вологда, и вообще вся березовая окрестность, где стояла, стоит, и будет стоять трудовая страна, так правдиво и честно воспетая мастером кисти.

Неосознанный страх

Насторожённость осеннего неба проявляется, может быть, в том, что оно, прежде чем опуститься на крыши и пажити мокрой земли, проверяет: не будет ли это ему опасно? Оттого и горят подозрительным блеском высокие звёзды, не смея отдать до конца свой тускнеющий свет, что увидели в жителях грустной Земли неосознанный страх за непрожитый день, обещающий новый разор и новую сечу.

Защитница луга

Устал от дороги. Захотелось свалиться в траву. Пал в неё, приникая к цветам.

Захмелела моя голова, застучало в груди. И, мутнея сознанием, понял: этот чёрный угар пролила белена, проявляя себя среди трав, как защитница луга.

Боровики

Много стало вождей у Родины и политиков всех мастей. Растут и растут, как по тёплой погоде боровики. Стремятся стать во главе какого-то дела, движения, офиса, клана. Жили как люди. Не лучше, не хуже. Но вышли, как в песне поётся, все из народа. А кто из народа вышел, тот никогда обратно в него не войдёт. Невыгодно. Да и обидно, что можно исчезнуть среди народа и опять оказаться никем.

Смущение

Запруда. Тёмная вода. И белая от проблеска луны фигурка девушки с распущенной косой, неторопливо выходящей из реки на берег, где её одежда.

Ты забываешь о костре, о том, что разжигал его и не разжёг. Сидишь с шершавым коробком в руке и видишь под запрудой бледную тропу, что проложила с берега на берег по реке вечерняя луна, и даже веришь в то, что девушка оттуда, из реки, где у неё жильё, и что на берег она вышла только для того, чтобы смутить тебя.

Ты привстаёшь, роняя коробок. Не верится, что девушка, взмахнув ладошками, ныряет в платье, мотает мокрой головой и вот уже уходит по невидимой тропе, и растворяется, как тень среди теней. Слышны шаги, вернее то, как молодо шуршит трава под быстрыми

ногами. И тишина. А в ней, как выражение разлуки, скрип пошатнувшейся от ветра ели над рекой. И свежий холодок, что заструился по твоей щеке. И больше ничего.

В душе рождается протест. Как если бы та девушка должна была вернуться и опять тебя смутить. Но вместо этого – припавшие к кустам кудели облаков, чернеющая ель, луна и смиренная река, а в ней та самая коса, как если бы купальщица оставила ее, как память о своём купанье.

Скорбный брат

Его нашли за киосками, под берёзой, в пору осеннего листопада. Был он в присыпанной листьями белой рубашке, лысенький и невзрачный. В вытянутой руке трепетало прочитанное письмо.

Кто такой?

Но ответить на это могли только листья берёзы, шелестя на лету:

-Это наш скорбный брат. Он упал среди нас и теперь, как и мы, превращается в землю.

Ночная дорога

Ночь промозглая, с низким небом и пугающим стоном из темноты, надвигающейся из леса.

Хорошо бы сейчас в столовую, где тебе подадут горячие щи! А ещё бы лучше - на русскую печь, разомлеть среди валенок и подушек и с поющим уютную песню гладким котёнком провалиться в спасительный сон!

Но, увы. Впереди – слепая неясность дороги, силуэты осин и унылое чавканье глины под сапогами.

Идёшь, спотыкаясь, и думаешь: ночь не кончится никогда. Но едва примиряешься с этим, как за ближней

куртиной кустов видишь проблеск огня. Значит, это река. А на ней – рыбаки. Там, конечно, тебя не ждут. Но к костру тебя пустят.

Ночь добреет. От мысли, что ты не один, грудь охватывает покоем.

Биение лета

На заре, когда ветер срывается с ближних лугов и влетает в раскрытое настежь окно, воздух кажется алым, наполненным шёпотом трав и, глотая его, ощущаешь биение лета с его пьяной росой, трепетанием листьев и дерзкой, как праздник, игрой оселка на косе.

Друг

Чибис плачет. Летит над просёлком, поросшим с обочин малиной и красноталом, и во всём, что движется по дороге, видит большую опасность, оттого и бросается вниз и вверх, рассекая воздух кругами.

-Я не враг тебе! – заявляю встревоженной птице.

Но слова человека для чибиса – те же пули. И он падает на меня. Мне отрадно за дерзкую птицу. Поднимаю ладонь.

-Я – твой друг! – и весело бью себя в грудь.

-Что вы! Что вы! – смущается чибис и уже не кругами, а ломаной линией рассекает пространство над головой.

Живая пыль

Пыль на старинном сундуке. Она с тех самых дней, когда его вносили на чердак и ставили в укромный уголок. В том сундуке – фамильные бумаги, ленты и косынки, парчовые альбомы с фотографиями деда,

бабушки и мамы, коллекция камней, подшивка «Нивы» и льняные кружева.

Пыль – как само бывшее. В ней - силуэты тех, кого давно не стало. Дед, бабушка и мама глядели пристально оттуда на меня, когда я открывал сундук.

Погружение

То ли весел ты был, то ли пьян. Потому, когда быстро вошёл и увидел кровать, а на ней отдыхающую кокотку, то почувствовал: ты в плену и не стал из него вырываться, а отдался движению вспыхнувших чувств, от которых смещаются к самому краю, где опасно и сладко и где тут же ныряют на самое дно, откуда не хочется подниматься.

Возле лунного рая

Это сельское кладбище под луной с его серым забором, заросшим ивами и крапивой, всем своим скорбным видом приводит тебя в смущение, и поэтому, проходя в темноте возле памятников с крестами, ты стараешься быть спокойным, хотя быть таковым и нельзя. Словно кто-то тебе угрожает, а раскрытые настежь ворота даже как бы зовут, приглашая к себе, как в глухое вместилище лунного рая.

-Заходи, - металлическим стоном скрипят невидимые венки.

-Не дождётесь, - бросаешь два тихих слова и замечаешь среди ивовых веток чьё-то внимательное чело, которое то, что сказал ты, пожалуй, запомнит и никогда тебе этого не простит.

Чем закончится вечер

Много нищих. Это, видимо, оттого, что страна прорывается в будущий день не с радостью, а с испугом, и никто не уверен, что вечер закончится миром и тишиной. Оттого опускающий взор на пределы земного пространства небесный Владыка ощущает близкую катастрофу, и, быть может, однажды вмешается в нашу жизнь, чтоб вернуть ожидающим, если не лучшие дни, то хотя бы их отражение.

Там, за вечером

Солнце опустилось за поля, оставив над собой багровый вечер, а в нём летящую цепочку журавлей.

За вечером, где неостывший горизонт, раскинулись просторы предстоящих дней. Узнать, что будет завтра, так же невозможно, как невозможно рассмотреть во всех подробностях нахлынувшую ночь.

Золотая страничка

Справа, где небо завалено облаками, - грибной тёплый дождик. Слева, в весёлой голубизне, словно знойная дева в реке – белотелое солнце. И там хорошо! И здесь расчудесно! В воздухе, словно пловцы, проплывают степенные гуси. Шмель, увидев цветок, зависает над ним, как счастливый парашютист. Где-то тихо смеются женщины.

Светлый полдень. Июль. Золотая страничка лета.

Иду-у

Земля прекрасна на закате лета! Но ещё прекраснее в плену осенних дней, когда вблизи чернеющей реки

висят, как паруса, прохладные туманы. Когда сторожко, как карась, крадётся по реке не вспугнутое солнце. Когда, кивая хохолком, летит к рябине бойкий свиристель. Когда на избяном стекле танцуют быстрые лучи. Когда в просторы скошенных полей спускается полуденный покой. Когда, как откровение, вдруг открываются ворота неба, и в них ты видишь чистое лицо с глазами Бога, который тщательно рассматривает нас, дабы понять, кому он в этот миг всего нужней. И кто-то с колотящимся от счастья сердцем услышит среди сонма звуков негромкое, но чёткое:

-Иду-у!

Метка

Старик глядел на покрытую травкой и лужицами дорогу. На ее повороте, около почты, право, архангелы, - внук и внучка. Шли они ножка в ножку, оба босые, с личиками детей, охваченных счастьем. Он знал – это будущее его, продолжатели той самой жизни, которую он уже упускает. Вот так невидимо и неслышно произойдёт перелив древней крови, какая текла когда-то в венах его отошедшей родни. И он отойдёт. Но кровь, эта метка фамильного рода, останется той же, какой была постоянно во всех веках и обоих тысячелетиях.

-Дедушка! – чисто, как ручейки, звенят голосочками внук и внучка. - Мы к тебе!

-Идите! Идите! - Старику отрадно и весело. Это ж надо дожить до такого, что к нему босиком по траве торопятся внуки!

Сорока на прясле

Как хорошо пропадать в осеннем лесу!
Как хорошо слушать шорохи листопада!

Как хорошо возвращаться домой с огрузневшей корзиной грибов!

Как хорошо, что встречают тебя травяная дорога, сорока на прясле и золотая, как сон, осенняя тишина!

Рассекатели мира

Палачи – тоже, вроде бы, люди. Но в крови у них бродят вирусы беспощадности к тем, кого надо изжить. Потому и умеют они рассекать мир на две половины, одной из которых дано продолжать свою жизнь, второй – потерять ее, уходя в объятия смерти, как в собственную квартиру.

Непоправимость

Посланец ада знал, что тот, в кого он выстрелит из автомата, сейчас откроет дверь припаркованной автомашины и выйдет из неё, но не успеет распрямиться, как услышит говор пуль и в нем ту самую непоправимость, которая лишит его всего. Не будет даже малого мгновения, чтобы поднять глаза на меткого стрелка. «Не повезло бедняге,» - посочувствует палач и скроется среди дворов, чтобы сначала позвонить о сделанной работе, а после поспешить к себе домой.

На вызове

С того света могут послать лишь тоску. Все ушедшие, если бы такое было возможно, за огромное счастье сочли бы повторить свою жизнь на земле. Ибо всё, что уходит, и есть та предсмертная красота, перед которой мельчает привычная повседневность. Оттого человека

с дряхлеющим сердцем в груди сильнее всего берedit вечернее угасание, как прощание с красотой, за которой стоят, как на вызове, ожидающие потёмки.

Прощение

Самое страшное, что ожидало матёрого грешника на рассвете ещё неокрепшего дня, было прощание. И он, не поверив такому везению, разволновался, да так, что сердце не справилось с радостной вестью и изумлённо остановилось.

Страшная невеста

Летел лихач, как дьявол. Пел песни, обгонял автомашины и никого вперёд не пропускал. Безумные глаза были полны восторга. Хотелось взять такую скорость, чтоб отделиться от земли.

Но вот он, новый поворот. Там, за канавой, где кривые пни и валуны, махала ему ручкой, улыбаясь, зовущая к себе Невеста. Он испугался, разглядев в ней собственную смерть. Нажал на тормоз и почувствовал, как оторвался от земли и полетел в объятия заждавшейся Невесты.

Два весла

Ночь. Река. Вскрик разбуженной страхом невидимой птицы. Отсвет неба и прямо под ним в мрачноватом мерцании воды два бурлящих весла, а меж ними с уставшим гребцом неизвестно куда плывущая лодка. Пахнет прелью, прохладными вербами и летящей с весла темной бездной реки.

Памяти Николая Рубцова
Долгожитель на берегу

Был холодный осенний вечер. Ты бродил по улицам Тотьмы, приподняв воротник продуваемого пальто. Был ты молод, в груди колотилось тревожное сердце, и глаза прорезали неверную мглу, где дремала не только Тотьма, не только Вологда и Россия, но и вся вечеряющая Земля.

Ты так много бродил, что устал и уселся на бронзовую скамейку, отвернувшись от Сухоны, чтоб не видеть парома и лодок. И задумался о грядущем, проникая умом в тот непрожитый день, где тебя назовут бесстрашным Поэтом, кто дерзнёт разговаривать с собственной Смертью и, осилив ее, утвердиться на тотемском берегу, как его естественный долгожитель.

Бремя

Вслед за Николаем Рубцовым ушли в неведомое
*Сергея Чухин,
Герман Александров,
Коля Дружининский,
Виктор Коротаяев,
Леня Беляев,
Александр Романов,
Юрий Леднев.*
*Все они были поэты. Очень любили родину. И
хотели жить, жить и жить.*

Родина! Где твои урожайные нивы? Богатые зверем леса? Рыбоносные реки? Неужели проданы и пропиты?
Родина! Кто ползет по твоим косогорам? Неужели новые паразиты?

Родина! Подскажи всем нам праведный путь, без которого мы погибнем?

Но в ответ – тишина, в мертвых сенях которой меркнет трепетная душа, словно бремя, отвергнутое землёю

Скорбная улыбка

Улыбается мне из былого, как из сегодняшней ночи, мой печальный дружок, приглашая к себе. А куда я пойду, если друг мой потерян не только для нынешней жизни, но и минувшей. Он взлетел на фугасе. И прах его, раскрошившись осколками, так и остался в воздушном пространстве, недосягаемом для земли.

Квартирантка

Деревня. Улица. Дорога.

По ней во мгле безжалостного дня когда-то уходили под конвоем в неизвестные пределы Родины крестьяне-кулаки.

По ней когда-то под рыдание тальянок уходили на войну с фашистской сворой молодые мужики.

По ней когда-то уходили дети нынешних пенсионеров, навеки оседая в чужедальних городах.

Но вот по улице – движение и шум. Автомшины. Одна – с веселым городским народом. Вторая – с тесом. Третья – с кирпичами. Осевшие над ветхими венцами окна изб глядят сквозь развихрившуюся пыль. Не дачники нужны деревне, а пропавшие нивесть куда крестьяне-кулаки, убитые войной солдаты и дети одряхлевших стариков, которые сегодня тоже стали стариками. Других жильцов не ждет деревня, потому что

их она не знает. А те идут и едут. Строятся. Возводят скороспелые хоромы.

Деревня как стояла на холме, так и стоит. Однако стала вся какой-то вытесняемой, как квартирантка, которую хозяева покуда терпят, но в любой из дней в их власти вытолкнуть ее за дверь.

По рябиновому ковру

Не зря горят на сентябрьской опушке оранжевые рябины. Это не только ягоды и листва, но и щемящая память о ласковом лете, щедром на солнышко, ливни с громами и разбросанный там и сям даровой урожай.

Былое, будто листва рябины, срывается с веток, летит, опаживая прохладой, и устиляет душу твою успокоительной тишиной.

Идешь по осенней опушке и ощущаешь свой тяжелеющий шаг, словно кто-то в тебя вцепился и хочет, чтоб ты задержался и никуда отсюда не уходил.

Но ты продолжаешь идти. Ведь в прошлом не остаются. Прошрое просто проходят.

И ты проходишь его по большому рябиновому ковру.